

III 869711

СЕВЕРНОЕ БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ.

Проф. А. П. ШЕННИКОВ.

КОРМОВОЙ ВОПРОС

и

ЕГО ЗНАЧЕНИЕ НА СЕВЕРЕ.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ
Члена-корреспондента
Академии Наук СССР
А. П. ШЕННИКОВА

ВОЛОГДА.

1924 г.

Отдельным изданием
статья А. П. Шенникова
отпечатана в количестве
300 экз.

Кормовой вопрос и его значение на Севере.

Проф. А. П. Шенников.

Естественные производительные силы Севера находятся в непроизводительном состоянии. Богатства края—одни лежат, как недоступный мертвый капитал, другие—растрачиваются без заботы о восстановлении израсходованного и о наиболее выгодном расходовании остатков. К таким неутешительным заключениям приводит нас объективная оценка состояния наших природных богатств при современных формах их использования.

Возьмем самое бесспорное богатство края—его леса. Пусть говорят, что они дают десятки миллионов рублей ежегодно. Но все мы знаем, что оставляют за собой извлеченные из леса миллионы: обесцененные лесные массивы, лесосеки, оставляемые без внимания и восстанавливающие снятое с них „богатство“ далеко не так быстро и не так успешно, как, может быть, ожидалось. При этом эксплуатируются только самые лучшие строевые леса, так что пресловутый „доход“ с них оказывается в значительной мере только растратой накопленного веками наличного богатства. Ясно, что она не может производиться безнаказанно в течение неопределенно продолжительного времени: пройдет еще немного лет, в лучшем случае десятилетий такого „доходного“ лесопользования, не покрываемого в должной мере лесовозращением,—и от лесного богатства останутся одни воспоминания. С другой стороны, мертвым капиталом остаются огромнейшие площади лесов, не дающие экспортных лесных материалов и поэтому представляющие в лесном хозяйстве род „бросовых“ лесных земель, совершенно бездоходных при современных формах северного лесопользования. Мы не можем назвать производительным такое состояние огромных лесопроизводительных сил Севера и считаем, что господствующие ныне формы их использования ведут не к обогащению, а к обнищанию края.

В аналогичном состоянии находятся и др. богатства края и основанные на них отрасли хозяйства. Луга, даже лучшие заливные, вырождаются, и их действительно продуктивная площадь уменьшается, не давая и половины того, что она могла бы дать. На большинстве наших суходольных лугов (а их площадь обширнее площади заливных лугов) „можно найти все: и лесок для дроз, и мох для конопатки, и торф для удобрения, мало только... травы“. Значительная часть абсолютно-луговых земель, т. е. природного лугового фонда, находится под плохим лесом, под болотами и т. п.

Недостаток кормов тормозит развитие животноводства и связанных с ним отраслей промышленности. Поэтому доход от животноводства, производительность его находятся в жалком состоянии сравнительно с тем, чем они могли бы быть.

Полевая производительность наших почв гораздо выше, чем обычно считается. Они находятся в непроизводительном состоянии не потому, что иначе и быть не может в силу их природных особенностей, а потому, что неудовлетворительны обычные в крае формы полевого хозяйства. Рациональное изменение последних сейчас же увеличивает продукцию в два-три раза, как это мы знаем из примеров б. и м. культурных хозяйств. Равным образом, в области огородничества, плодоводства и т. д. Север представляет край еще неиспользуемых возможностей.

Известны богатства Севера промысловыми зверем, птицей и рыбой—но известно также и то, как истощены эти богатства, как мало они производительны сравнительно с тем, что могло бы быть при обилии края лесами и водами.

Почти нетронутыми и часто даже недоступными остаются колоссальные ископаемые ресурсы края: его безчисленные торфяники, мощные и обширные пласты известковых и мергелистых пород, залежи фосфоритов, глин, ухтинская нефть, руды Тимана и Северного Урала и т. д.

Сам человек, как производительная сила, находится на Севере в мало производительном состоянии: она малолюдна, крайне неравномерно распределена перенаселенными островами, разобщенными среди безлюдной пустыни, экономически мало мощна, бедна орудиями производств и культурными навыками—раб, а не господин своей природной обстановки.

Итак, как ни велики производительные силы Севера и его природные богатства—не следует забывать, что не менее велики и его „непроизводительные силы“: условия, затрудняющие восстановление растрачиваемых природных запасов, получение наибольшей продукции без истощения, увеличение оборотного капитала. При наличии этих непроизводительных сил, хозяйство края, основанное только на безоглядном расхищении того, что б. и м. легко дается в руки, ведет к превращению фактических богатств края в богатства фиктивные и мифические. В своей деятельности по подъему и использованию богатств Севера нам следует руководствоваться не столько сознанием их обилия, сколько сознанием фактической и угрожающей нам бедности, если не будут парализованы непроизводительные силы: чем культивировать „нас возвышающий (и утешающий) (само)обман“, лучше сознать „низкие истины“ нашей бедности, ее причин и способов их уничтожения.

Основной причиной непроизводительного состояния производственных сил Севера является, на наш взгляд, отсутствие их культурного освоения. Пока что, хозяйство на Севере строится на том-же принципе, на каком оно строилось прежними и строится современными (на окраинах) колонизаторами (из среды ближайшего населения): человек занимает новые местности и выкачивает из их веками накопленных природных богатств средства к своему существованию, предоставляя потомкам или жаться на опустошенной отцами земле, или выселяться на др. еще сохранившиеся места. И мы видим, как, по мере заселения края, его легко доступные ценности — лес, пушной зверь, рыба, неистощенные земли — отодвигаются все дальше от населенных пунктов за пределы легкой досягаемости.

Очевидно, для культурного освоения края недостаточно только колонизации, т. е. увеличения народонаселения и более равномерного его распределения. Думаем так потому, что для культурного освоения, т. е. для рационального использования производительных сил, необходимо не выкачивание природных запасов—и только, но и восстановление их; не

примиренность с тем, что есть, а увеличение и улучшение продукции; не расходование природного капитала—и только, но и оборот его; не только добывание сырья, но и переработка его.

Все это требует соответственно построенной системы хозяйства: без нее увеличение народонаселения только ускорит процесс обесценения природных ценностей.

Рациональной системой хозяйства, способствующей правильному использованию производительных сил, мы считаем такую систему взаимоотношений между отдельными отраслями хозяйства, при которой максимальная производительность каждой из них функционально связана с максимальной производительностью каждой из остальных, а все вместе—обеспечивают наибольшую и устойчивую производительность всех естественных производительных сил края.

Идеи подобной системы не видно в мероприятиях, направявшихся раньше и направляемых ныне к развитию отдельных отраслей хозяйства. Эксплоатация леса захватывает все новые площади—но это не значит, что идет параллельный и соразмерный процесс расширения площади сельско-хозяйственного пользования. Расширение последней силами населения идет в ущерб обеспеченности его лесом. Заботы о развитии горно-добывающей промышленности в глухих населенных районах естественно остаются безрезультатными. И т. п. Следствием отсутствия согласованности и соразмерности в развитии отдельных отраслей хозяйства является то уродливое их развитие, о котором говорилось выше: развитие не хозяйства в подлинном значении этого слова (водительство, управление силами природы), а расхищения и обессиленности природных данных. Задачей нашего времени является, поэтому, не только организация тех или иных отраслей хозяйства в отдельности, но организация системы хозяйства.

Каковы же конкретные черты рациональной для Севера системы хозяйства?

В основе ее должно быть, конечно, сельское хозяйство. Без местной сельско-хозяйственной базы невозможны ни организация правильного лесного хозяйства, ни др. отраслей промышленности; с нею должны считаться в первую очередь и колонизация, и землеустройство. Утопично надеяться заменить, например, лесоистребление лесным хозяйством, или развить рудное дело и т. п.—силами только пришлого люда: от хозяйствования путем „наездов“ хорошего получается мало, успешно хозяйствовать может только оседлое население. Оседлость же создается развитием сельско-хозяйственного промысла: он дает прочную связь с местом обитания и самые главные и верные средства существования. Организация сельско-хозяйственной базы—главнейшее условие культурного освоения края. Это кажется очевидным, и однако мы знаем, что до сих пор сельское хозяйство на Севере является пасынком организующих хозяйство ведомств и учреждений: реальные в данный момент, хотя и весьма сомнительные в перспективном плане—„доходы“ от северных лесов отвлекают внимание от подлинного источника благосостояния края—от его сельского хозяйства.

Рассмотрим теперь основные принципы, коими должно пользоваться при построении сельско-хозяйственной базы местной системы хозяйства.

Для этого надо выяснить взаимоотношения, которые должны быть установлены между тремя отраслями сельского хозяйства: между полеводством, кормодобыванием и животноводством. Эти взаимоотношения на

Севере определяются, как известно, формулой: чем больше кормов, тем больше скота; чем больше скота, тем продуктивнее полеводство.

Кормодобывание ставится, тем самым, в основу сельского хозяйства. Это не случайное и не временное явление, но результат природных условий края, с которыми нельзя не считаться.

В сложной устроенной идеальной производственной машине, каковой является рациональная для Севера система хозяйства — кормодобывание есть не что иное, как добывание энергии для работы всей машины. Кормовые растения—источник этой энергии—„зеленый уголь“—основное богатство Севера. Продолжая сравнение, мы находим, что животноводство здесь должно иметь значение правильно устроенной топки, где сжигание зеленого угля освобождает скрытую энергию этого последнего, и она переходит в движущую силу: в средства для развития др. отраслей промышленности, для работы всех остальных частей машины. И, как в машине, наибольший экономический коэффициент полезного действия может получиться лишь при условии правильного соотношения, как между частями машины, так и между ними и источником энергии. Для нас этот коэффициент означает культурное освоение производительных сил края, переход хозяйствующего человека от рабства природе к господству над ней.

Итак, кормовой вопрос на Севере—вопрос о добывании зеленого угля, источника энергии для жизни края. С этой „энергетической“ точки зрения и следует произвести пересмотр краевой хозяйственной политики вообще и отдельных отраслей хозяйства в частности. Ее же надо помнить и ею руководствоваться в построении и в выполнении производственных планов обще-краевого масштаба.

В системе хозяйства, основанной на учете значения кормового вопроса, как вопроса об источнике энергии, очевидно, должен быть соблюден принцип пропорционального и целесообразного построения каждой из ветвей хозяйства. Каждая из отраслей хозяйства в известной мере теряет самодовлеющее значение, перестает быть сама себе целью—но приобретает служебное значение, с одной стороны—для увеличения энергии, с другой—для ее переработки и для получения наибольшего коэффициента полезной работы всей системы в целом.

Рассмотрим с этой точки зрения важнейшие отрасли хозяйства—в их взаимоотношениях с кормодобыванием.

Какова должна быть роль полеводства, и в каком, следовательно, направлении надо его развивать? Основное значение полеводства в современной его стадии зернового трехполья заключается в производстве зерна, как в предмете питания местного населения. „Отход“, получаемый при этом производстве, используется, как гуменный и концентрированный корм и как удобрительный материал (солома, проведенная через скотный двор): в обоих случаях выявляется побочное значение полеводства, как одной из форм кормодобывания, или как одного из факторов кормодобывания. Известно, что возможность северного полеводства в направлении производства зерна (и вообще предметов питания) гораздо шире, чем обычно предполагается. Рационализация полеводства, понимаемого в его прямом значении, обещает многое. Даже теперь зерновая урожайность на Севере не меньше, чем в зерновых, более южных районах России, но только достается она с затратой гораздо большего труда, чем на Юге. Большая трудо-интенсивность полеводства на Севере делает затруднительным развитие его в зерновом направлении. Выработка более совершенных приемов культуры зерновых растений, отыскание наиболее при-

годных для Севера рас полевых культурных растений и т. п. деятельность сельско-хозяйственных опытных станций, надо думать, найдет пути к устранению существующих ныне затруднений в полеводстве. Важнейшим моментом на этом пути является развитие в полеводстве кормодобывающего направления. Введение травосеяния, травопольных и, может быть, лугопольных систем полевого хозяйства, улучшая и увеличивая зерновую продукцию полеводства, в то же время увеличит запас энергии, т. е. грубых и концентрированных кормов. Участие в кормодобывании не только передачей в кормовой фонд отхода от зернового производства, но участие путем включения в число своих задач улучшения и увеличения кормовой продукции—таково основное направление будущего северного полеводства в его собственных интересах. Таким образом, полевое хозяйство на Севере, в наиболее целесообразном его состоянии, мы представляем не зерновым преимущественно, каково оно ныне, и не кормовым преимущественно, как некоторые склонны думать, но в равной мере и кормовым и зерновым.

Характер взаимозависимости между кормодобыванием и животноводством определяет и громадное значение последнего в жизни края, и его направление. С одной стороны, несомненно, что одного накопления энергии (кормов) еще недостаточно: это привело бы только к перепроизводству продукта, непосредственная ценность которого не велика. Актуальное значение производство кормов получает только при условии переработки его в продукты животноводства, для чего необходимо соответствующее развитие последнего. С другой стороны, животноводство тем самым получает определенную цель: создать наилучше действующий аппарат переработки потенциальной энергии зеленого угля. Отсюда—подход к тем или иным породам и отродиям скота, как к орудиям переработки кормов, качественно различным в различных районах Севера. Отсюда—правила содержания этих орудий, их усовершенствование и т. п. Очевидно, что животноводство, как отрасль хозяйства, обрабатывающая продукты кормодобывания, не может получить должного развития без соответствующего развития кормодобывания. В свою очередь, уже в порядке своей работы, перерабатывающий корма аппарат будет стимулировать и развитие кормодобывания, так как „отход“ животноводства, навоз, послужит для увеличения продукции кормовых угодий.

Особенного внимания заслуживают взаимозависимости между кормодобыванием и лесным хозяйством. Взаимозависимость между этими двумя ветвями хозяйства кажется менее очевидной: тем более важно ее уяснить. Современное лесное хозяйство на Севере представляет яркий пример самодовлеющей отрасли, не связанной функционально с др. отраслями хозяйства. Колоссальные лесные площади подвергаются эксплуатации, не имеющей под собой сельско-хозяйственной базы и не влекущей за собой культурного освоения лесной территории. Эксплоатация по необходимости ограничивается самыми экстенсивными формами и приводит к указанным выше результатам вместо правильного лесного хозяйства.

Превращение этой видимости лесного хозяйства в подлинное культурное хозяйство представляется нам возможным не ранее и по мере того, как лесопользование явится только одним из элементов системы хозяйства, функционально связанным со всеми остальными. Именно в этой зависимости оно сможет найти силы и импульсы для культурного освоения лесной территории и для своего роста. В чем же и как выявляется эта зависимость?

Надо признать, что весьма значительная часть лесной площади является плохой производительницей древесины: таковы обширные заболоченные леса центральных частей водоразделов, переходящие в болота и торфяники. Для лесного хозяйства, прежде всего, невыгодно „бросовое“ состояние таких земель: при современных формах лесопользования они ничего не дают и часто даже вредят, затрудняя доступ к более лучшим лесам. С другой стороны, значительная часть таких бросовых земель, по своим природным условиям, является сравнительно легко переводимой в некоторые формы сельско-хозяйственного землепользования, в первую очередь—в луга. Луговая, т. е. кормовая производительность их гораздо выше, чем древесинная.

Отсюда следует необходимость включения в число задач лесного хозяйства не-лесное использование части лесной площади, как более выгодное. Перевод абсолютно-луговых частей лесной площади в луговое пользование имел бы для лесного хозяйства, несомненно, стимулирующее значение. Прежде всего луговое пользование означало бы повышение доходности ныне бросовых лесных земель, т. е. увеличение средств для рационализации и интенсификации лесного хозяйства на остающихся абсолютно лесных землях. Затем, оно подготовило бы почву для развития здесь и др. форм сельско-хозяйственного использования, что могло бы быть учтено при землеустройстве соседних с лесными массивами местностей, часто перенаселенных земледельческим населением. Вместе с тем оно означало бы увеличение доступности внутренних частей лесных массивов (дороги), приток населения, создание сельско-хозяйственной базы для древообрабатывающей промышленности, начиная от кустарного смолокурения и т. п. и кончая более совершенными ее формами. Каждая ступень совершенствования лесного хозяйства, достигнутая таким путем, в свою очередь увеличит материальную возможность упрочения сельско-хозяйственной базы, а это обеспечит новые шаги в упорядочении лесного хозяйства, и т. д., осуществляя основную задачу культурного освоения леса и рационального использования и увеличения его производительности.

Как подойти к этому—другое дело. Должны быть изменены, вероятно, самые ныне действующие организационные формы северного лесного хозяйства прежде всего в сторону устранения обособленности его от сельского хозяйства. Достаточно пока выделить и подчеркнуть значение только-что выказанной постановки вопроса. Надо заметить, что в данном направлении было проявлено—со стороны организующих центров—слишком мало воли к осуществлению указанной задачи; гораздо меньше, чем со стороны местного населения, которое упорно, всеми правдами и неправдами, стремится к сельско-хозяйственному освоению лесных пространств, зачастую в формах, явно ущербных для лесного хозяйства. Это население инстинктивно включает лес в свою систему хозяйства, не переоценивая его абсолютного значения (но зато, правда, часто и не дооценивая).

Аналогичное значение имеет кормодобывание (и прежде всего луговое хозяйство, как первичная его ступень) для использования „недр“ Севера. Для добычи и обработки руд сельско-хозяйственная база (кормодобывательская в основе) необходима так же, как и для лесного хозяйства. Ухтинская нефть, горные богатства Урала и Тимана и т. п. останутся, конечно, или мертвым капиталом, или капиталом непроизводительно растрачиваемым, до тех пор, пока соответствующие районы малодоступны,

безлюдны, культурно не освоены. Между прочим, эти районы не представляют каких-либо особенных затруднений для сельского хозяйства. Например, даже северный Урал имеет все природные данные для расцвета горного скотоводства на фоне обильных там горных лугов и горных естественных пастбищ. Развитие кормодобывания и скотоводства—здесь с одной стороны, и с другой—в долине Печоры и ее притоков, послужило бы стимулом и облегчило бы лесное хозяйство на западных предгорьях Урала и создало бы базу для горно-добывающей промышленности.

Разработка сельско-хозяйственных руд, т. е. громадных и легко доступных залежей извести и мергеля, торфяных запасов, фосфоритов—приобретает особое значение при условии использования их для надобностей местного сельского хозяйства, т. е. в первую очередь—кормодобывания. Есть основание принимать известкование и мергелевание наших подзолистых почв, как коренную меру их улучшения, поддерживающую плодородие их и увеличивающую эффект последующих удобрений. В такой перспективе использование известняков и пр. означает перевод их скрытой энергии в активное состояние и усиление кормодобывающей промышленности—взамен мало рентабельных и потому не имеющих будущности форм их современного использования. Подобное же значение может иметь и употребление различных видов торфа для местных сельско-хозяйственных надобностей.

Такова роль кормодобывания в развитии различных отделов местного хозяйства. Посмотрим, насколько соответствуют этой роли современные формы решения кормового вопроса.

Они выявляются: 1) в луговом и пастбищном хозяйстве, 2) в кормодобывающем направлении полеводства. О последнем уже была речь раньше. Оно находится в примитивном состоянии, и развитие его является первоочередной задачей северного полеводства. В еще худшем, пожалуй, положении находится луговое и пастбищное хозяйство. Вернее—луговое, как определенной системы хозяйственных мероприятий, направленных к увеличению кормовой продукции, или, по крайней мере, к ее поддержанию,—пока что не существует. Взамен его повсеместным распространением пользуются такие формы лугопользования, которые, в общем, сводятся к ежегодному сбору с лугов того, что „бог даст“. Отсутствие ухода за лугами, часто неумелое их использование и всегда отсутствие восстановления плодородия луговых почв—ведут и привели уже луговые угодья Севера в мало производительное состояние. Как при обилии лесов приходится говорить уже о недостатке их, так и при обилии лугов сказывается недостаток кормов—и сказывается в иные годы катастрофически, расшатывая скотоводство отдельных районов и бюджет их населения. На ряду с тем, остаются вне лугового пользования большие пространства пригодных к культуре земель, входящих в рубрику бросовых—особенно, если обращение их в луга сопряжено с затратой капитала. Наоборот, практикуется более доступное расширение луговой площади за счет настоящих лесных земель и пашни.

В аналогичном положении находится и пастбищное хозяйство. Большинство северных выгонов, как известно, относятся к числу „голодных“ пастбищ.

Такое состояние кормового хозяйства, совершенно несоответствующее ни природным его условиям, ни экономическому значению его на Севере, конечно, в первую очередь должно быть изжито. На пути этого

упорядочения кормового вопроса повышение производительности кормовых угодий и рационализация землепользования на основе абсолютного значения земель — приобретают значение основных мероприятий в деле организации хозяйства.

В этом направлении делалось чрезвычайно, незаслуженно мало.

Обыкновенно считают, что экономические условия препятствуют развитию рационального луговодства. Конечно, если мы начнем с указаний на необходимость для этого мелиоративных работ, закладки искусственных лугов и т. п. дорогих операций, то эти указания все равно не найдут почвы для проведения их в жизнь в нашем капитало-экстенсивном и трудо-интенсивном хозяйстве. Надо начинать, очевидно, с пропаганды таких мероприятий в луговодстве, которые, не требуя или почти не требуя затрат, способны заметно повысить кормовую продукцию лугов и тем самым создать экономическую базу для осуществления и более капитало-емких операций. Но, чтобы найти и указать подобные легко осуществимые и целесообразные мероприятия, надо до тонкости знать природные свойства наших лугов и пастбищ. „Чтобы управлять, надо знать“ слабые и сильные стороны местных кормовых угодий. При этом знание приходится добывать из изучения именно местных лугов, так как луга, например, в Германии, — где практика луговодства широко разработана, — по своим природным свойствам неодинаковы с нашими лугами, а потому хорошие в немецкой практике приемы луговодства у нас могут оказаться бесполезными и даже вредными. К тому же они рассчитаны на иную материальную базу и экономическую структуру.

Отсюда следует, что упорядочение северного лугового хозяйства, как первый этап в решении кормового вопроса, немыслимо без должного развития северного луговедения, т. е. системы точных (научных) знаний природы луговых угодий.

Насколько велико практическое значение луговедения и научного изучения лугов, можно показать не теоретическими рассуждениями, а несколькими конкретными примерами, показывающими в то же время, насколько, в сущности, немного иногда надобно, чтобы значительно улучшить производительность наших лугов и пастбищ.

Например, изучение всех последствий, которые оказывает пастьба скота на вологодские пустошные луга, привело нас к заключению, что при соблюдении известных условий пастьба может явиться могущественным средством к увеличению продуктивности этих лугов и к созданию отличных пастбищ. Дело в том, что на пустошах, как и на всех наших лугах, обычно имеются „хорошие задатки“ в виде ценных кормовых растений, но эти последние на пустошах угнетены, забиты мхом, белоусом и др. вредными и безразличными в кормовом отношении растениями. При пастьбе мох, белоус и многие сорные травы, как не выносящие вытаптывания, стравливания и удобрения, оставляемого скотом, — выпадают, и их место занимают более ценные кормовые растения, не только не страдающие от пастьбы, но разрастающиеся именно благодаря ей. Мало того, вытравленный, таким образом, луг, при переводе его затем снова в сенокосное угодье, дает в первые годы не 40—50 пуд. сена (с десятины) самое большее, как замоховелая белоусовая пустошь, но около 100 пуд. сена, гораздо более лучшего, к тому же, качества. Такие заключения, повидимому, противоречат ходячему представлению о значении для лугов пастьбы на них скота, но они подтверждены многочисленными учетами и вполне согласуются с биологическими особенностями расте-

ний, от того или иного участия которых зависит ценность луга и пастбища. Правда, эти заключения получены при изучении только одного определенного типа пустошей; на других типах их влияние пастбы может оказаться существенно иным и в некоторых случаях непременно вредным. Но и при таком ограничительном толковании полученного результата исследования, его использование в практике лугово-пастбищного хозяйства на этих пустошах открывает широкие перспективы.

Действительно, на основании предыдущего, пастба скота на выродившихся суходольных пустошных лугах с глинистой почвою, соответственно регулируемая определенным порядком чередования пастбищного и сенокосного режимов, должна рассматриваться, как прием коренного улучшения этих лугов и в то-же время получения хороших пастбищ. При этом улучшение не требует никаких затрат; наоборот, луга сами платят за их улучшение, предоставляя подножный корм для стад. Далее, произведенное регулировкой выпаса улучшение пастбищ сделает излишним огромные размеры их и, следовательно, освободит для других форм пользования (лугового, лесного и полевого) значительную часть тех пустошей и мелколесий, которые сейчас, в качестве выгонов, широко окружают почти каждую из наших деревень.

Изучение различных местных суходольных лугов из числа тех, кои обычно относятся в рубрику „сенокосов с кустами“, показало, что, при некоторых условиях продуктивность луга сохраняется лучше при известной системе распределения „кустов“, чем при полном освобождении от них луга.

Учеты зависимости между степенью развития одного типа пойменных лугов и его хозяйственной продуктивностью обнаружили, что, скашиваемый в известный срок, он может давать сена на 30% и даже больше того, чем с него собирается при обычном запаздывании сенокоса, примерно, на месяц против этого срока.

Изучение отдельных луговых растений показало, что одного только своевременного скашивания луга достаточно для уменьшения засоренности его малопригодными растениями.

Таких примеров можно было бы привести еще много. Они взяты из результатов изучения вологодских лугов, производимого Вологодской Сельско-Хозяйственной Опытной Станцией и Молочно - Хозяйственным Институтом. Это изучение начато только 4 года тому назад, и полученные результаты решают затронутые вопросы пока лишь в самой общей форме и в узких рамках местных условий. Поэтому и практические мероприятия позволительно наметать пока лишь грубо схематически. Чем детальнее будут эти исследования, и чем большее разнообразие северных лугов они будут охватывать, тем более исчерпывающий и разработанный план луговодственных мероприятий может явиться их результатом. Как намечается уже и теперь из приведенных выше примеров, этот план обещает быть иногда не вполне совпадающим с шаблонными приемами заимствованной из чуждых условий практики луговодства.

На ряду с изучением северных лугов в целях поднятия их производительности, необходимо в тех же целях изучать др. типы угодий (леса, болота, бросовые земли, поля). Только научное (гео-ботаническое) изучение их может определить их наиболее целесообразное применение и использование, так называемое абсолютное значение. За счет земель, имеющих абсолютно-луговое значение, но занятых сейчас, часто, не лугами, должно

идти, в случае надобности, расширение кормовой площади. Мероприятия, посредством которых следует переводить в луговое пользование многие теперешние болотные, лесные и т. п. участки,—выясняются их гео-ботаническим исследованием.

Наконец, не довольствуясь обычными приемами полевого травосеяния, должно обратить внимание на изучение природных условий, с тем, чтобы поставить кормодобывающее направление полевого хозяйства также в соответствие с местными природными данными.

Для того, чтобы при организации подобного изучения последнее могло иметь действительно непосредственно-практическое значение, должен быть соблюден ряд условий.

Прежде всего, необходимо помнить и руководствоваться этим при организации, что научное исследование может дать практические результаты лишь при условии его широкой и углубленной постановки и органического развития в определенном направлении. Было время, когда ведомства, организовывавшие гео-ботанические исследования лугов, надеялись получить основы местного луговодства от беглого, поверхностного изучения лугов. Средства (метод) не соответствовали цели: очень скоро пришлось убедиться, что подобное ознакомление с лугами необходимо, но еще не достаточно. Сложная жизнь лугов, их изменчивость при изменении условий и т. п.—потребовали детального изучения типичных образцов: так возникли луговые исследовательские станции, где сложное явление природы, называемое лугом, из года в год подвергалось подробному изучению в его природных условиях. Однако, и этого оказалось мало: для более точного учета условий, влияющих на луг, понадобилось вмешательство исследователя в природную обстановку, т. е. постановка опытов. Так сформировались опытные луговые станции. Результаты их работ имеют уже более непосредственное значение для практики, чем предварительные стадии изучения. Действительно, здесь осуществимо не только наиболее точное и всестороннее изучение луга, но и выработка конкретных приемов использования научных данных для целей управления природой в желательном направлении. Столь проработанными результатами луговедения пользуются уже луговоды, для выработки из них приемов, применимых и наиболее рентабельных в местной хозяйственной обстановке, и для широкой пропаганды их среди населения. Отсюда следует второе условие непосредственной полезности развития луговедения: обоснованность работы в области луговодства на материалах местного луговедения.

В свою очередь и луговодство и вообще кормодобывание только в том случае будет иметь реальное значение для развития хозяйственной жизни края, когда его продукт, „зеленый уголь“, найдет себе приложение в развитии скотоводства. Вспоминая далее взаимозависимости между различными частями хозяйства, мы можем сказать, что основное условие полезности всех вообще начинаний в области строительства хозяйственной жизни края—на основе его производительных сил: соблюдение принципа пропорциональности частей системы, основанной на определяющем значении удовлетворительного решения кормового вопроса.

Мы видели, как он может быть разрешен. К работе в этом направлении должны быть сосредоточены все живые силы края, на ней должна быть сосредоточена вся воля организаторов хозяйственного устройства Севера.

Видную роль в ней могут иметь и местные краеведческие организации, объединяющие лиц, без сомнения, не безучастных к судьбам Севера. Эти лица могут принять участие в посильной исследовательской работе, которой предстоит так много на длинном и сложном пути практического решения кормового вопроса. Работая согласованно и по инструкциям специального персонала учреждений, ведущих в крае исследовательскую работу, они тем самым будут делать, может быть, маленькое с виду дело, но по существу одно из самых важнейших. Те из них, которые разделят высказанные здесь мысли, в свою очередь будут распространять их, развивая тем самым общественное сознание в должном направлении, без чего исследовательская работа не может иметь здоровой атмосферы для успешного выполнения. Те же, кто с этими мнениями не согласится, выскажут свои изменения, поправки и дополнения, способствуя нахождению общественной мыслью „того перекрестка истины, с которого все вещи представляются в надлежащей перспективе“.

Формулируем главнейшие выводы:

1. Основной задачей организации хозяйственной жизни Севера является установление системы хозяйства, в коей правильные отношения между отдельными отраслями обеспечивают максимальную производительность каждой из них.
2. Такою системою на Севере может быть только система, опирающаяся на сельско-хозяйственную базу.
3. Мощность сельско-хозяйственной базы на Севере прямо пропорциональна степени разрешения кормового вопроса.
4. Кормовой вопрос на Севере—вопрос об источнике энергии для жизни края; отсюда—его значение в краевой хозяйственной политике.
5. Кормодобывание, как промышленность, добывающая источник энергии, прежде всего, должно быть поставлено наиболее целесообразно, т. е. с наибольшею продуктивностью.
6. Существующее на Севере луговое и пастбищное хозяйство может принять более культурные, а, следовательно, и более производительные формы, если в основу его положить результаты научного (гео-ботанического) исследования местных лугов, пастбищ и луговых растений.
7. На ряду с улучшением и увеличением производительности северных лугов, надо быть готовым к расширению их площади за счет земель, луговых по своей природе, но находящихся ныне под другими формами пользования или в разряде бросовых земель.
8. Полеводство на Севере должно быть пересмотрено в сторону усиления его кормодобывающего значения.
9. Взаимозависимость между кормодобыванием и животноводством выражается в роли животноводства, как промышленности, перерабатывающей корма. Этим определяется направление, содержание и значение животноводства.
10. Для упорядочения северного лесного хозяйства необходимо идти на широкую передачу абсолютно-луговых частей лесных дач в луговое пользование. Этим путем бросовые лесные земли становятся источником средств для интенсификации лесного хозяйства на абсолютно-лесных землях и материальной базой для культурного освоения лесных территорий.

11. Развитие кормодобывания в рудных районах необходимо для создания условий, при которых разработка недр края будет возможна, производительна и рентабельна. Сельско-хозяйственные руды края наиболее целесообразно использовать для местного кормодобывания.

12. Ближайшей задачей в деле поднятия производительных сил края необходимо признать гео-ботаническое изучение активной и потенциальной кормовой площади края.

13. Необходимым и важнейшим условием полезности этих исследований, а равно всех попыток к развитию различных отраслей хозяйства, а также колонизации и землеустройства,—является согласование их перспективных планов и форм осуществления с перспективами и формами кормодобывания.

Доложено на Областном
Краеведческом Съезде в Вологде
24 марта 1924 г.

прохлаждения ради и ловитвы“. В XVI веке здесь был бор, так что расположенная под этой горой, за Воскресенскою церковью, дер. Офонинская - Подболотье называется стоящею „под бором“ (Акты I, 82). В XVIII в., по воспоминаниям старожилов, „Ивановская гора, тогда не населенная, была покрыта густым лесом, в котором скрывались нежелавшие идти в солдаты“ (Брагинск. Лет., стр. III). Первоначально заселение Ивановской горы шло под влиянием основанного на этой горе монастыря Иоанно-Предтеченского. По переписной книге Устюга Великого 1714 года, население Ивановской горы располагалось в трех местах. Во-первых, „близь Ивановского монастыря, на монастырской безпашенной земле, живут избенками того Ивановского монастыря вкладчики и вкладчицы“. Избенки в книге все перечислены, и их, оказывается, было только 10, и в них жили 10 вкладчиков с их семействами, 12 вкладчиц с их семействами же, а всего у этих 22 вкладчиков и вкладчиц было, и с ними самими, 65 человек жителей; была еще одна устюжанка с тремя сыновьями и две нищие. Таким образом, в данном месте, в десяти избенках, жило всего 27 лиц мужск. пола и 44 женск. пола, а обоего пола 71. Во-вторых, „в Устюжском уезде, за Ивановским монастырем, погост на Красной горе (пл. 43), на данной Ивановского монастыря на пашенной земле. После переписных книг 186 году, вновь построены, со 199 году (с 1691 г.), две деревянные церкви, строение мирских людей подаянием, да поселились около тех церквей, дворами и избенками, монастырские вкладчики и нищие бобылями и живут без пашни“. Число жителей и строений в данном месте в переписной книге не указано. В-третьих, от Ивановского монастыря по увалу, на правой стороне, т. е. по направлению к Яиковскому монастырю, стояло 10 дворов, 51 избенка жилых и 1 избенка пустая. Здесь жили монастырские вкладчики, а именно: 15 Архангельского монастыря, 18 Ивановского и 1 Филипповской пустыни и еще 24 нищих. Так как все эти жители были семейные, то у монастырских вкладчиков было 51 муж. и 61 жен. всего 112 человек; нищих было 52 муж. и 75 жен., всего 127 человек. Все эти жители были малообеспеченные и потому податей в посад не платили, при чем иные из них „за скудостью“, а другие и прямо „за нищетою“ и „для того, что у них на Устюге Великом торгов и промыслов и лавок и анбаров не было“. Кроме вкладчиков и нищих, по увалу жили еще члены причта Покровской церкви с их семьями, монастырский работник с семьей и другие; так что всех жителей здесь было 142 муж. и 192 жен., а обоего пола 334 человека; всего же на Ивановской горе (кроме Красной горы) было жителей 169 муж. пола и 236 жен. пола, т. е. 405 человек обоего пола.

Образовавшееся первоначально вне городской черты, поселение на Ивановской горе было как бы загородным поселением, и память о таком положении этой части города Устюга, можно сказать, доселе жива в представлении ее жителей. И в настоящее время, отправляющиеся отсюда, например, на рынок, говорят, что они идут „в город“ и, наоборот, с рынка идут „на гору“, как место отдельное от города.

На Ивановской горе, на так называемых неномерных местах, равным образом на таких же неномерных местах и в других частях города Устюга, как, напр., в Городище, Катышеве около Смольниковского озера или в некоторых местах второй части, до последнего времени сохранились жилые избенки размерами в две-три сажени по лицу, а некоторые и менее двух сажен, построенные крайне скученно, без всякого порядка и иные

даже пристроенные одна к другой вплотную. Некоторые из этих избенок по лицу имеют два окна, встречаются даже и с одним окном по лицу. Эта, контрабандным путем ремонтируемая, живая старина сохранилась от дрежних времен, когда в большинстве деревянные постройки в г. Устюге были очень малых размеров и строились на ближайшем одно от другого расстоянии. Группы указанных избенок могут дать нам некоторое представление о характере городских построек, существовавших в Устюге в давнопрошедшие времена.

Пояснение нумерации плана гор. Вел. Устюга.

I. Крупные цифры являются нумерацией кварталов по плану генерального межевания г. Устюга.

II. Мелкой цифрой обозначены на плане места, указанные в тексте статьи курсивными цифрами в скобках. Объяснение их следующее:

1. Городище.	25. Симоново озерко.
2. Михайло-Архангельский монастырь.	26. Местоположение сельца Миросицкого.
3. Успенский собор, с Прокопьевским собором и церковью Иоанна праведн.	27. Дер. Копыловская.
4. Леонтьевская церковь, с прежде бывш. вблизи ее Леонтьевским сельцом.	28. „ Микрюково.
5. Воскресенская церковь.	29. „ Ямская.
6. Местоположение дер. Деревеньки.	30. „ Сметанино.
7. Иоанно-Предтеченский мон. и вблизи его слобода Ивановская.	31. „ Бирюково.
8. Местоположение дер. Подгуменье.	32. „ Соколово.
9. Местоположение дер. Шергино-Афонинской.	33. „ Вареничиха.
10. Деревня Красавино.	34. „ Деревенька—Гогарская тож.
11. Ильинская церковь.	35. „ Семеновская.
12. Деревня Гудцово.	36. Петропавловская церковь.
13. Местоположение дер. Выставки.	37. Симоновская церковь.
14. Спасопреображенская церк., бывш. Спасский девичий монастырь.	38. Место старой Пятницкой церкви, ныне оно под рекой Сухоной.
15. Местоположение дер. Торжино.	39. Село Дымково, Димитриевская Дымковская церковь.
16. Озеро Смольниковское.	40. Место дер. Дымковской Выставки, внутри пустоши Леонтьевской.
17. Озеро Безымянное, с земляным мостом.	41. Дер. Ивашевская.
18. Вознесенская и Александро-Невская ц.	42. „ Добрынино.
19. Церковь Иоанна Богослова.	43. Красногорская Покровская церковь.
20. Сретенско-Миросицкая церковь.	44. Христорожественская церковь.
21. Местоположение Песьей слободы или иначе Большой слободы.	45. Николаевская Гостинская церковь.
22. Георгиевская церковь.	46. Варваринская церковь.
23. Слобода.	47. Новая Пятницкая церковь, построенная в 1873—1882 г.г.
24. Местоположение Красной Слободы.	48. Кладбище с Стефановской кладбищенской церковью.